

Игорь Ларин собирается сыграть Ленина

Коммерсантъ-daily. - 1997. - 19 авг. - с. 10

Театральный фестиваль в Тампере

Если в июле весь мировой театр, кажется, стремится в Авиньон, то в августе — в Эдинбург. Но у французского фестиваля в середине лета конкурентов не наблюдается, а его шотландскому ровеснику приходится делиться и спектаклями, и гостями (так сказать, всемирной театральной общечеловечностью) с несколькими конкурентами. В частности, с финским городом Тампере, где в эти дни проходит Международный театральный фестиваль. Из финляндской глубинки — **РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.**

Конечно, по масштабам и размаху фестиваль в Тампере не сравнить ни с Авиньоном, ни с Эдинбургом. Всего шесть дней, всего полсотни спектаклей. Структура программы между тем та же: наряду с основной афишей, в которой десяток зарубежных спектаклей и два десятка лучших финских, есть и своя «офф», открытая для всех желающих, готовых

заплатить деньги за возможность продать себя и показаться на обочине престижного международного мероприятия.

Впрочем, в каждом сказанном слове следует делать некоторую скидку на пресловутую северную сдержанность: о престиже тут никто не трубит на каждом углу, а самопродожа происходит без назойливой рекламы (есть здесь небольшая программа уличных театров, но и они выступают без лишнего шума, в специально отведенных для этого местах), без гор бумажного мусора. Жизнь есть жизнь, театр есть театр. Если он вас не интересует, вы можете и не заметить, что в вашем городе кипят международные сценические страсти. Залы, однако, не пустуют — ни на зарубежных спектаклях, ни на финских. Видимо, истинное любопытство есть обратная сторона истинной рассудительности.

Любовь к Мельпомене в Тампере есть факт исторический. Здесь был создан первый

в Финляндии профессиональный театр, а сейчас на город, население которого не дотягивает до 200 тыс. жителей, приходится три больших профессиональных государственных театра (у каждого к тому же по две-три сцены) и дюжина небольших театриков. На сцене одного из них, университетской театральной студии, фестиваль открылся спектаклем «Чайка» Петербургского театра «Монплеизир» в постановке Игоря Ларина.

Трудно сказать, что поняли в петербургской постановке финны и прочие иностранцы, не знающие русского языка. Знание пьесы им не помогло бы: первое, что озадачило бы даже самых образованных — нехарактерное для чеховской «Чайки» безлюдье на подмостках. Ларин переложил все «пять пудов любви» на плечи всего двух актеров. Блестящим хулиганским жестом он соединил в одном персонаже обоих писателей: Треплева и Тригорина, а в другом — обеих актрис, Аркадину и Нину.

Ларинский спектакль-комикс — глумливая и остроумная часовая пробежка по «сюжету для небольшого рассказа», мелькнувшая в сознании Треплева уже после финального выстрела. В круглых темных очках он похож теперь на беккетовского клоуна-скептика. «Мировая душа» давно превратилась в пустой звук, и этим сочетанием слов теперь можно только дразниться. А Нина безобразно состарилась, если вообще когда-нибудь была молода. Когда в финале ларинский герой отвратительной, как у летучей мыши, лапой с острыми спицами-когтями прижимает к земле сгорбленную рыдающую актрису — то ли свою мать, то ли свою бывшую любовь — становится ясно: искусство, по Ларину, не дарует вечной молодости, напротив, старит и уродует. Любое колдовское озеро главные тайны хранит не в прозрачных глубинах, а в зеленоватой раске у бережка. Эта мысль была, разумеется, понятна и без синхронного перевода.

Очевидно, желая поддаться эпатажу, Ларин признался местному журналисту, что собирается поставить спектакль о финском периоде жизни Ленина, — и был вместе с этими словами вынесен едва ли не на первую полосу крупной государственной газеты, издающейся в Тампере. Когда на следующий после спектакля день артист заглянул в местный музей Ленина, его уже встречали как дорогого гостя.

Директор музея Аймо Минкиннен утверждает, что это последний из действующих в мире музеев вождя пролетариата. «Ульяновск, Шушенское...» — попытался возразить ему я. Оказалось, он имеет в виду не мемориальные дома-музеи, а как бы политические общественные центры. Музей в Тампере исправно финансируется государством, в год сюда захаживает тысяч пятнадцать посетителей.

«Несколько лет назад русские обходили нас стороной, а теперь опять пошли», — де-

лится наблюдениями директор. Он горд, что именно здесь встретились Ленин и Сталин и именно здесь пообещали финским рабочим даровать Финляндии независимость. К истории отношение у «красного директора» своеобразное («нам важно, что здесь было положено начало нашему государству, и все, что они потому сделали в России, нас волнует меньше»), но он не похож на члена «Трудовой России» и открыт для новых форм работы. Пару месяцев назад отдал залы под выставку боди-арта, а в прошлом году выставлял работы Комара и Меламида.

В фойе работает «Lenin-shop», за стеной — «Lenin-kafe», где за 20 финских марок (\$4) можно доставить себе особое удовольствие: просунуть голову в овальную дырку на раскрашенном фанерном щите и запечатлеться на фотопленке рука об руку с освободителем Финляндии на революционном мотоцикле под красным стягом.

19.08.97

Игорь Ларин